

Міровоззрѣніе и идеологія

...Любоначалія, зміѣи сокрытой сей...

Одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ послѣвоеннаго времени является безспорно его идеологизмъ. До войны міровоззрѣніе все болѣе и болѣе вытѣснялось изъ отдѣльныхъ областей культурной жизни, которая тѣмъ самымъ какъ бы лаицировалась, становясь все болѣе «нейтральной» не только по отношенію къ религіи, но и къ вѣрѣ вообще. Нейтральность государства въ отношеніи къ міровоззрѣнію была самоочевидной аксіомой, признававшейся всѣми разновидностями демократическихъ партій, въ томъ числѣ и социаль-демократической. Сохраняя вѣтше свой традиціонный марксизмъ, социал-демократическая партія на самомъ дѣлѣ сама внутри себя все болѣе и болѣе лаицировалась, проникалась характернымъ безразличіемъ къ міровоззрѣнію своихъ членовъ, требуя отъ послѣднихъ лишь признанія общей платформы, какъ совокупности опредѣленныхъ политическихъ, правовыхъ и хозяйственныхъ требованій практическаго характера. Лаицировалась и духовная жизнь: не только наука и искусство, но и философія, стремившаяся стать «научной», т. е. отдѣльной, автономной областью знанія, и это даже тогда, когда она рѣзко отмежевывала себя отъ «спеціальныхъ наукъ». Самоочевиднымъ почиталось и требованіе нейтральной школы, т. е. школы, безразличной къ міровоззрѣнію родителей, учащихся и учащихся и ограничивающейся объективными, независимыми отъ міровоззрѣнія истинами и правилами поведенія. Даже сама религія лаицировалась постольку, поскольку, укрывшись въ церкви, почиталась за особую, автономную область, а тамъ, гдѣ церковь оставалась еще связанной съ государствомъ, за особое вѣдомство. Это вытѣсненіе міровоззрѣнія было завершеніемъ длительного процесса лаицизації, который на самомъ дѣлѣ проникъ гораздо глубже въ духовную и общественную жизнь европейскихъ странъ, чѣмъ того требовалъ лозунгъ простого от-

дѣленія государства отъ церкви. Въ извѣстной мѣрѣ онъ продолжилъ собой процессъ демократическаго поравненія жизни, распространивъ начало равенства и на духовную жизнь, т. е. провозгласивъ всѣ убѣжденія и всѣ вѣры равными. Извѣстно, что именно этотъ духовный «релятивизмъ» Г. Кельзенъ объявилъ самымъ существомъ демократіи. Онъ сдѣлалъ это въ 1920 г., но формула эта была лишь осознаніемъ предвоенной эпохи, такъ же, какъ и составленная имъ австрійская конституція, вмѣстѣ съ другими новыми конституціями 1918-1920 гг. (за исключеніемъ только совѣтской), была лишь послѣднимъ, завершающимъ словомъ того, чѣмъ была и къ чему стремилась эта эпоха.

Послѣ войны положеніе въ корнѣ измѣнилось. Революціи, вызванныя войной, оказались вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ новой эпохи, началомъ кризиса предвоенной культуры, нѣкоей болѣе глубокой революціей, совершавшейся въ умахъ и все углублявшейся по мѣрѣ роста новаго поколѣнія. Однимъ изъ главныхъ симптомовъ этого пореволюціоннаго сознанія и явился выходъ «мировоззрѣнія» изъ того своего угла, въ который оно было загнано «нейтральностью», наступленіе его въ видѣ «идеологіи» по всему культурному и политическому фронту. Начавшись въ Россіи, гдѣ коммунизмъ рѣшительно покончилъ съ демократической нейтральностью и установилъ господство единаго мировоззрѣнія во всѣхъ рѣшительно областяхъ культуры, это идеологизированіе духовной жизни распространилось и въ Европѣ. Отдѣльныя проявленія этого процесса оказались столь же разнообразными, сколь и повсемѣстными. Въ Германіи оно захватило все такъ наз. «движеніе молодежи», сказалось въ философіи, которая мѣняетъ свою объективную форму науки на субъективную форму мировоззрѣнія, такъ что даже самый релятивизмъ предвоенной эпохи обернулся здѣсь «наукой о мировоззрѣніи», перебросилось отчасти на школу, въ которой съ новой силой вспыхнула вопросъ объ ея вѣроисповѣдности. Разрѣшеніе этого вопроса въ Голландіи въ видѣ такъ наз. вѣроисповѣдной автономіи школы было любопытнымъ примѣненіемъ послѣдняго слова демократіи, принципа такъ наз. персональной автономіи, на этотъ разъ уже не на службѣ національности, а на службѣ «мировоззрѣнія». Аналогичныя явленія встрѣчаемъ мы въ другихъ странахъ (напр., неудержимый ростъ католической школы во Франціи) и среди русской эмиграціи («евразійство» съ его «идеократіей»). Отричаніе нейтральности въ фашизмѣ : «національ-смі тизмъ», провозглашающихъ господство единой идеологіи, является только крайнимъ на-

пряженіемъ все той же общей послѣвоенной тенденціи отказъ отъ духовнаго релятивизма и жадныхъ поисковъ міровоззрѣнія, какъ предмета новой вѣры. Въ этомъ именно проявляется тотъ духовный кризисъ, который въ послѣднемъ счетѣ лежитъ и въ основѣ кризиса демократіи. Самая демократія въ свою очередь стремится сейчасъ перестроиться и вмѣстѣ съ тѣмъ преодолѣть свой недавній релятивизмъ, обрѣсти новую вѣру. Не значитъ ли это, что и она должна будетъ подвести подъ себя фундаментъ особаго обязательнаго міровоззрѣнія, которое она могла бы притивопоставить міровоззрѣніямъ своихъ противниковъ, т. е. должна будетъ «идеологизироваться»?

Что безъ обновленія вѣры и, значитъ, безъ своего міровоззрѣнія демократія не сможетъ преодолѣть своего кризиса — это безспорно. Скептическое отношеніе къ поискамъ такого новаго міровоззрѣнія свидѣтельствуетъ лишь о глубинѣ кризиса, о неспособности преодолѣть духовную «нейтральность» и о силѣ инерціи довоеннаго релятивизма, приведшаго побѣдоносную демократію такъ скоро на край гибели. Но столь же безспорно, что идеологизированіе демократіи означало бы ея самоубійство. Демократія, требующая отъ всѣхъ не только подчиненія своимъ учрежденіямъ, но и безраздѣльной вѣры въ идеологию, ихъ оправдывающую, — это то же самое противорѣчіе, что и извѣстный лозунгъ санкулотовъ: *La liberté ou la mort!* Опасенія скептиковъ безспорно имѣютъ свое оправданіе. Какъ выйти изъ этого противорѣчія? Очевидно, демократы, ищущіе міровоззрѣнія и его боящіеся, по разному понимаютъ міровоззрѣніе или, точнѣе, разное въ немъ видятъ: одни — вѣру и преодолѣніе духовнаго безразличія, безъ чего невозможно преодолѣніе и политическаго безволія, другіе — твердую идеологию, за которой кроется утвержденіе нетерпимости и воля къ власти. Попробуемъ же установить ту не всегда легкую уловимую грань, которая отдѣляетъ міровоззрѣніе отъ идеологии и укажетъ тѣмъ самымъ міровоззрѣнію его предѣлы. Намъ думается, что въ той самой мѣрѣ, въ какой опасенія противъ идеологии вполнѣ законны, борьба противъ міровоззрѣнія неосновательна, да, въ сущности, и безнадежна.

Защитники «нейтральности» выдвигаютъ противъ міровоззрѣнія его ненаучность, или его завѣдомую субъективность. Міровоззрѣніе, говорятъ они, не есть простое созерцаніе міра, какимъ оно притязаетъ быть по своему названію. Уже потому, что оно хотѣть быть воззрѣніемъ міра какъ цѣлаго, недоступнаго опыту, оно никогда не есть только знаніе, но одновременно оцѣнка міра, утвержденіе нѣкоей іерархіи цѣнностей и

вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе жизненнаго идеала. Къ знанію при мѣшиваются въ немъ оцѣнки, чаянія, ирраціональныя убѣжденія, а все это, какъ недоказуемое, только разъединяетъ людей вмѣсто того, чтобы ихъ объединять. Поэтому міровоззрѣніе и должно оставаться «частнымъ дѣломъ» и не вправѣ вмѣшиваться въ общественную жизнь, которая, стремясь утвердить согласие между людьми, должна довольствоваться объективнымъ и «нейтральнымъ» по отношенію къ міровоззрѣнію минимумомъ. Міровоззрѣніе коренится въ характерѣ человѣка, оно есть предметъ его ирраціональнаго рѣшенія, между нимъ и человекомъ имѣется своего рода избирательное сродство, почему и существуютъ постоянныя типы міровоззрѣній, неизмѣнно повторяющіяся въ исторіи и въ каждый историческій періодъ имѣющіе своихъ представителей. Мѣняется только проблематика, съ которой міровоззрѣніе имѣетъ дѣло, но основныя мотивы міровоззрѣній не подвержены измѣненію и тѣмъ менѣе прогрессу. Каждая историческая эпоха имѣетъ своихъ «нату ралистовъ», для которыхъ весь міръ лежитъ на одной плоскости посюсторонняго бытія, «критицистовъ», остро чувствующихъ разладъ между должнымъ и сущимъ, своихъ «объективныхъ идеалистовъ», воспринимающихъ міръ какъ гармоническій порядокъ, воплощающій въ себѣ потустороннія идеальныя сущности, и эта различная установка къ міру какъ цѣлому проявляется въ неизмѣнно повторяющихся типахъ религіи, философіи, искусства, политическихъ идеаловъ.

Этому какъ бы психологическому (вѣрнѣе антропологическому и статическому) пониманію міровоззрѣнія противостоитъ часто историческое и динамическое его пониманіе, выдвигаемое преимущественно не противниками міровоззрѣнія, а его защитниками. Міровоззрѣніе, говорятъ эти послѣдніе, коренится въ исторической ситуациі эпохи. Каждая эпоха имѣетъ свой особый характеръ, свой стиль, одинаково проявляющійся во всѣхъ областяхъ культурнаго творчества. Міровоззрѣніе, лежащее въ основѣ этого совокупнаго стиля эпохи, объективно въ томъ смыслѣ, что оно надиндивидуально, и отдѣльному лицу не остается ничего другого какъ принять его, подчиниться ему. Ни объективность эта ничего общаго не имѣетъ съ безкорыстной и отрѣщенной нейтральностью научной истины. Напротивъ, въ міровоззрѣніи эпохи выражается максимальный интересъ эпохи, жизнь ея во всей ея полнотѣ, неповторимость ея оцѣнокъ, чаяній и ирраціональныхъ убѣжденій. Новое міровоззрѣніе истиннѣе ему предшествующаго не само по себѣ, но лишь для своего времени, и оно побиваетъ противника не отвлеченными

аргументами, а своей жизненной силой. Критеріемъ его истинности является не художочная общезначимость, а интенсивность, почвенность, плодотворность и величіе.

Оба развитые выше взгляда, изъ которыхъ одинъ подчеркиваетъ укорененность міровоззрѣнія въ ирраціональныхъ глубинахъ личнаго бытія, другой укорененность его въ ирраціональномъ бытіи исторической эпохи, по своему праву. Между міровоззрѣніемъ и личностью имѣется, дѣйствительно, нѣкое избирательное средство, въ силу котораго человѣкъ «выбираетъ» себѣ міровоззрѣніе, наиболѣе соответствующее его «характеру», какъ говорилъ Фichte. Міровоззрѣніе есть выраженіе личности человѣка, въ немъ личность человѣка осознаетъ не только міръ, въ которомъ она живетъ, но и собственное свое глубинное бытіе. Эта сопряженность міровоззрѣнія и личности, т. е. осознаніе міра и самоосознанія, чрезвычайно существенна. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что міровоззрѣніе есть та реальная нить, коей отдѣльная личность связуется въ своемъ личномъ бытіи съ бытіемъ міра, въ который она погружена. Дѣтское представленіе о мірѣ потому не столь еще міровоззрѣніе, что ребенокъ живетъ еще по сю сторону прогивоположности «міра» и «я». Окружающая среда представляется ребенку нѣкимъ непрерывнымъ цѣлымъ, которое существуетъ, однако, не само по себѣ, какъ предметъ или объектъ, но лишь какъ поле его активности, какъ своего рода раковина, которую ребенокъ носитъ, подобно улиткѣ, все время съ собой. Сознаніе «міра» и сознаніе своего «я» развиваются параллельно. По мѣрѣ того, какъ міръ, перспективно упорядочиваясь, отходитъ отъ человѣка на дистанцію, становится «бытіемъ въ себѣ», человѣкъ начинаетъ сознать и собственное «я», какъ особое персональное бытіе, «бытіе для себя», и вступаетъ въ личное отношеніе къ міру, развивается какъ личность. Прагматическая «раковина», въ которой ребенокъ прячется отъ міра и которая, не будучи «міромъ», не есть также еще предметъ настоящаго «воззрѣнія», смѣняется тогда міровоззрѣніемъ, какъ формой бытія человѣка какъ личности. Безъ міровоззрѣнія, какъ жизненнаго отношенія субъекта къ міровому цѣлому, отношенія, включающаго въ себя наряду съ перспективно упорядоченнымъ представленіемъ о мірѣ и осмысленіе его съ точки зрѣнія цѣнностей, а значитъ и нѣкій жизненный идеалъ, нѣтъ самосознанія, а, стало быть, нѣтъ и бытія человѣка какъ личности. С а м о сознаніе вырабатывается лишь въ постоянномъ взаимонапряженіи къ сознанію міра, такъ что вы-

работка человѣкомъ своего міровоззрѣнія и развитіе его, какъ личности, суть двѣ стороны одного и того же процесса.

При этомъ недостаточно и односторонне понимать это взаимоотношеніе только индивидуально, какъ процессъ, происходящій внутри отдѣльной человѣческой души. Напротивъ, процессъ этотъ происходитъ и внутри всего міра какъ цѣлаго. Духовное бытіе, или «культура» не есть только «точка зрѣнія» человѣка, но есть высшій слой мірового бытія, такъ же возвышающійся надъ органическимъ бытіемъ, какъ это послѣднее возвышается надъ бытіемъ физико-химическаго порядка. Наука, искусство, языкъ, общественныя учрежденія, религія и всѣ другія формы жизни объективнаго духа существуютъ не менѣе реально, чѣмъ виды органической жизни или химическіе элементы и физическіе электроны и атомы. Для этого высшаго слоя своего бытія міръ, какъ цѣлое, пріобрѣтаетъ характеръ объективнаго бытія, существующаго «въ себѣ», и вмѣстѣ съ тѣмъ большее значеніе внутри міра, какъ цѣлаго, пріобрѣтаетъ слой духовнаго бытія, въ которомъ міръ становится бытіемъ, существующимъ «для себя». Бытіе для себя не есть вторая стадія процесса развитія бытія, слѣдующая за первой стадіей бытія въ себѣ, какъ это полагалъ Гегель, но развитіе міра въ «бытіе въ себѣ» и въ «бытіе для себя» суть два полюса одного и того же процесса развитія міра, обуславливающіе другъ друга и находящіеся между собою въ отношеніи взаимнаго напряженія. А это значить, что міровоззрѣніе не есть только достояніе отдѣльнаго человѣка, въ которомъ выражается процессъ объективации для него міра и одновременно ростъ его какъ личности, но есть вмѣстѣ съ тѣмъ явленіе объективнаго духа, въ которомъ выражается процессъ объективации міра какъ цѣлаго, и одновременно самосознаніе объективнаго духа какъ высшаго слоя мірового бытія. Поэтому міровоззрѣніе есть всегда также достояніе исторической эпохи, оно не только индивидуально и характеризуетъ личность отдѣльнаго человѣка, но и сверхиндивидуально и характеризуетъ цѣлые историческіе періоды въ жизни человѣчества, въ которую отдѣльный человѣкъ погруженъ. Если и вѣрно, что отдѣльный человѣкъ выбираетъ себѣ міровоззрѣніе въ соотвѣтствіи со своимъ характеромъ, т. е. въ соотвѣтствіи со своей личной установкой («подходомъ») къ міровому цѣлому, то, съ другой стороны, столь же безспорно, что онъ ограниченъ въ этомъ своемъ выборѣ своей исторической эпохой, т. е. той формой самосознанія, которой достигъ въ данный историческій періодъ въ данномъ историческомъ мѣстѣ объективный духъ, какъ высшій

слой мирового бытія. «Натурализмъ», «объективный идеализмъ» и «идеализмъ свободы» эпохи Перикла, эпохи эллинизма, періода Просвѣщенія и нашего времени существенно различаются между собой. Если даже они и выражаютъ собой одни и тѣ же «психологическіе типы», то вмѣстѣ съ тѣмъ они выражаютъ собой разныя «историческія ситуаціи». Въ этомъ бесспорная прелесть второго разсмотрѣннаго нами выше взгляда.

Отсюда бесплодность и невозможность всѣхъ попытокъ исключить мировоззрѣніе изъ духовной жизни, основать философію ли или политику на одной только «объективной научной истинѣ». Мировоззрѣніе есть проявленіе не только личности отдѣльнаго человѣка, но и его судьбы, результатъ встрѣчи персональнаго и объективнаго духа, свободы человѣка и исторической необходимости. Оно есть какъ бы внутренняя форма всякой духовной жизни. Всѣ тѣ, кто хотятъ обойтись безъ мировоззрѣнія, на самомъ дѣлѣ или имѣютъ свое, часто очень воинственное мировоззрѣніе натуралистическаго типа, или вмѣстѣ съ мировоззрѣніемъ утратили себя какъ личности и исключили себя изъ исторической судьбы. Если раньше нейтральность и релятивизмъ были ничѣмъ инымъ какъ псевдоморфозой натуралистическаго мировоззрѣнія, то сейчасъ они являются все яснѣе выступающей маской смерти. Подобно тому, какъ отдѣльный человѣкъ въ мѣру своего духовнаго роста, какъ личность, «выбираетъ» себѣ мировоззрѣніе, точно такъ же и всѣ творенія объективнаго духа носятъ на себѣ печать мировоззрѣнія. Мировоззрѣніе проявляется не только въ философіи и религіи, но также и въ искусствѣ, въ наукѣ, политикѣ и хозяйствѣ. Оно есть корень, изъ котораго они пристокаютъ или которымъ по крайней мѣрѣ питаются. Оно есть нить, которой всякое духовное бытіе онтологически прикрѣждено, какъ духовное бытіе, къ мировому цѣлому, одинаково, идетъ ли рѣчь о субъективномъ духѣ, т. е. о личности отдѣльнаго человѣка, или о твореніяхъ искусства, науки и другихъ областей объективнаго духа. Черезъ мировоззрѣніе они являются укорененными въ жизни и въ исторіи, оно сообщаетъ имъ ихъ «экзистенціальный» характеръ. Только мировоззрѣніе даетъ человѣку сознаніе своего мѣста въ мірѣ и тѣмъ самымъ «почву» въ жизни, возможность выйти изъ себя самого, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ самимъ собой. Выражая какъ личностное, такъ и эпихальное бытіе духа, т. е. будучи укоренено какъ въ характерѣ отдѣльнаго человѣка (субъективный духъ), такъ и въ характерѣ исторической ситуаціи (объективный духъ), мировоззрѣніе уже поэтому есть менѣе всего отвлеченная «автономная»

истина. Оно атеоретично или, точиѣе, подтеоретично, ирраціонально, есть плодъ рѣшенія и судьбы, оно переживается, «зарабатывается» въ жизненной борьбѣ, а не просто доказывается. Не удивительно, что нѣтъ мировоззрѣнія, которое не содержало бы въ себѣ внутреннихъ противорѣчій, и что обстоятельство это не помѣшало еще ни одному мировоззрѣнію быть силой, опредѣляющей собой историческій процессъ. Даже самое вразумительное раскрытіе противорѣчій внутри какого либо мировоззрѣнія не въ состояніи само по себѣ лишить его убѣдительности. Впрочемъ, самая вѣская критика появляется обыкновенно тогда, когда мировоззрѣніе уже утратило свою притягательную силу. Она есть скорѣе симптомъ, нежели причина его ущерба.

Изъ того, что мировоззрѣніе есть внутренняя форма жизни духовнаго бытія, отнюдь не слѣдуютъ однако тѣ выводы, которые большинство нынѣшнихъ приверженцевъ мировоззрѣнческой философіи и педагогики, въ особенности же мировоззрѣнческой политики, дѣлаютъ. Выражая личность человѣка, мировоззрѣніе субъективно. Выражая «историческую ситуацию», въ которую человѣкъ погруженъ, оно «эпохально». Но, связуя личность человѣка и историческую ситуацию съ ирраціональнымъ всеединствомъ мирового цѣлаго, оно вмѣстѣ съ тѣмъ есть творческой порывъ къ преодолѣнію этой двойной частичности. Вѣрно, что критерій правды мировоззрѣнія есть не общезначимость отвлеченной истины, а почвенность, интензивность и плодотворность. Но это именно и значитъ, что мировоззрѣніе стремится выйти изъ простой своей «экзистенціальности», стремится раскрыть себя въ актахъ творчества. Укорененное въ личности и исторической ситуациі, оно стремится выйти изъ этихъ границъ своего почвеннаго бытія, оправдать себя, какъ теоретическая истина, красота, справедливость, святость или какая-нибудь другая форма объективности и общезначимости, въ которой погашается его первоначальная частичность. Выходя изъ самого себя и подчиняясь внутреннимъ законамъ этихъ формъ объективнаго духа, мировоззрѣніе преодолеваетъ свою субъективность и частичность, оно умираетъ какъ мировоззрѣніе для того, чтобы ожить какъ философія, религія, искусство, государственный строй. И только будущій историкъ открываетъ его снова въ порожденных имъ твореніяхъ культуры какъ тотъ послѣдній ихъ корень, изъ котораго пристохла ихъ жизненность и ихъ подлинность. Это постоянное напряженіе между субъективностью личнаго корня и объективностью творческаго порыва, между частичностью бытія-

ственной почвы и всеобщностью произрастающих на ней плодов относится къ самой сущности мировоззрѣнія, составляя то, что можно было бы назвать внутренней его диалектикой. Мировоззрѣніе есть корень, изъ котораго вырастаютъ творенія культуры, и потому ему суждено оставаться какъ бы вѣчно схороненнымъ въ почвѣ. Диалектика мировоззрѣнія не позволяетъ ему оставаться самимъ собой: какъ только оно выходитъ изъ той почвенной глубины, въ которой человекъ, какъ цѣлое, встрѣчается съ міромъ, какъ цѣлымъ, неустойчивое равновѣсіе мировоззрѣнія нарушается. Мировоззрѣніе или преодолевается въ творческомъ актѣ личности, и тогда оно перерождается въ философію, религію, науку, искусство или какую-нибудь иную форму объективнаго духа. Или, упорствуя въ своей субъективности и частичности, оно замыкается въ самомъ себѣ, но и тогда оно перестанетъ быть мировоззрѣніемъ въ подлинномъ смыслѣ слова, вырождаясь въ то, что вѣрнѣе всего было бы уже назвать «идеологіей».

Подробная феноменологія мировоззрѣнія должна была бы показать, какъ эта присущая мировоззрѣнію диалектика проявляется въ каждой отдельной области объективнаго духа. Философія освобождаетъ мировоззрѣніе отъ его социальной связанности, возвращаетъ его къ его истоку — личности и, персонализируя его, взрываетъ его замкнутость, раскрываетъ его и динамизируетъ. Въ эпохи обостренія борьбы за власть напротивъ обостряются и всѣ черты замкнутаго мировоззрѣнія. Если традиціонное мировоззрѣніе социальной группы носить охранительный характеръ, и застывшая замкнутость его есть результатъ какъ бы окаменѣнія, то воинствующее мировоззрѣніе, еще только спавшающее социальную группу въ ея борьбѣ за власть, завѣдомо и умышленно противопоставляетъ себя всякой полнотѣ и всеединству. Тогда именно оно вырождается въ идеологию въ собственномъ смыслѣ этого слова. Частичность становится въ идеологии партійностью, односторонность точки зрѣнія усугубляется до тенденціозности. Въмѣсто того, чтобы, какъ это происходитъ въ философіи, раскрыться и динамизироваться, мировоззрѣніе въ идеологии еще болѣе замыкается въ себѣ, отмежевывается отъ всѣхъ чужихъ точекъ зрѣнія, игнорируя также и выдвигаемую ими проблематику. Оно утрачиваетъ свой личный и конкретный характеръ, стабилизируется въ догму, въ то, что Достоевскій назвалъ однажды «чугунной идеей», массивностью которой должна обезпечить ударную силу дѣйствію. Въдѣ тотъ, кто борется, не можетъ позволить себѣ ро-

скоши сомнѣнія, всякая проблематика только смущаетъ дѣйствующаго, который долженъ тутъ же на мѣстѣ принять рѣшеніе, а всякое рѣшеніе есть уже выборъ, т. е. завѣдомая односторонность. Для этого онъ и нуждается въ идеологіи, которая оградитъ бы его отъ всякихъ сомнѣній, ясно указала бы ему выборъ и, упростивъ для него задачу рѣшенія, придала бы увѣренность его дѣйствию. Идеологія есть мечъ борьбы, и въ ней міровоззрѣніе застываетъ въ своего рода металлическую массу, перестаетъ быть связью частнаго съ цѣлымъ, затвердѣваетъ въ умысленной своей частичности. Оно перестаетъ быть интуиціей, покрывается панцыремъ застывшихъ понятій и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ себя всецѣло волевому началу. Живая интуиція цѣлаго, лежащая въ основѣ всякой истинной философіи и открытая здѣсь для все расширяющейся проблематики, вырождается въ идеологію въ своего рода отмычку, безъ ключа открывающую двери ко всѣмъ проблемамъ. Хорошая діалектика, которая въ философіи раскрывается какъ взаимное напряженіе между изначальной укорененностью въ жизни и стремленіемъ вознестись къ объективности истины, въ идеологіи разрушается. Ея мѣсто занимаетъ здѣсь дурная діалектика противорѣчій, въ которыхъ необходимо запутывается всякая идеологія. «Укорененность въ жизни», «почвенность», которой столь кичится такъ наз. міровоззрѣнческая философія, перекидывается въ беззастѣнчивую «послѣдовательность», которая, казалось бы, есть скорѣе признакъ механическаго орудія, нежели подлинной жизни. Высокая оцѣнка живой индивидуальности въ ея неповторимой и незамѣнимой единичности (чѣмъ личностно и эпохально обусловленное «міровоззрѣніе» притязаетъ именно отличатся отъ нейтральной научной философіи) обращивается на дѣлѣ въ возвеличиваніе успѣха и такъ наз. «объективнаго прогресса», какъ критеріевъ истинности міровоззрѣнія. Причемъ забывается, что и «объектъ» и «прогрессъ» стоятъ въ прямомъ противорѣчьи къ жизни и индивидуальности, ими безустанно попираемыми.

Однако, и самое дѣйствие подъ влияніемъ идеологіи искажается. Въ области нравственной высшая жизненность и духовность точно такъ же достигаются лишь черезъ преодоленіе міровоззрѣнія. Только «замкнутая мораль» (по А. Бергсону) въ дѣйствительности связана міровоззрѣніемъ. Это есть нравственность, функция которой имѣетъ въ виду сохраненіе социальной группы. Простекая изъ соціальнаго бытія, мораль эта гетерономна. Отвлеченность, законченность, нетерпимость являются отличительными признаками этой статической морали.

Напротивъ, подлинная нравственность, имѣющая своимъ источникомъ любовь, динамична и открыта. Она не можетъ быть формулирована въ неподвижныхъ нормахъ и общихъ законахъ, ибо, будучи конкретной, она прилѣпается къ неповторимой индивидуальной ситуаціи. Освобождаясь отъ всякой зависимости отъ всегда частичнаго соціальнаго бытія, она возносится въ совершенно иную сферу, въ сферу чистой человѣчности, которая отнюдь не есть простое максимальное обобщеніе соціальнаго, а представляетъ собою совершенно новое и первичное начало, не выводимое изъ начала общественаго. Въ этой нравственности, началомъ которой является любовь въ смыслѣ христіанской любви къ ближнему, преодолевается уже всякая «точка зрѣнія» и всякая укорененность дѣйствія въ частичномъ бытіи, а тѣмъ самымъ и всякое мировоззрѣніе. Проявленіемъ этого преодоленія служитъ сознаніе своей вины за дѣла и грѣхи ближняго, сознаніе своего соучастія въ ихъ винѣ. Въ своемъ анализѣ динамической нравственности Бергсонъ просматриваетъ этотъ существенный ея моментъ, въ свѣѣ время съ такой силой убѣдительности показанный Достоевскимъ. «Всѣ за всѣхъ и за все виноваты». Въ этомъ изреченіи старца Зосимы Достоевскій справедливо видитъ самое существо подлинной высшей нравственности. Безспорно, всякое дѣйствіе предполагаетъ рѣшеніе, выборъ и, значитъ, односторонность. Но чѣмъ болѣе оно одухотворено и чѣмъ болѣе приблизилось къ жизни въ ея цѣлостной индивидуальности, тѣмъ болѣе просвѣчиваетъ въ немъ сознаніе всеобщей связанности въ грѣхъ и сознаніе собственной вины за грѣхъ ближняго. И менѣе всего дѣйствіе терпитъ отъ этого въ своей силѣ, напряженности и даже успѣшности. Непокколебимая увѣренность отмѣчаетъ дѣйствія святыхъ и праведниковъ. Глубокое чутье художественной правды руководило Достоевскимъ, когда онъ именно этой чертой непоколебимаго, не раздѣлаемаго никакими сомнѣніями дѣйствованія характеризовалъ образъ своего любимаго героя Алеси Карамазова, противопоставляя ему колеблющійся и неувѣренный въ себѣ образъ дѣйствія его брата Ивана и показывая, какъ тѣсно связана эта неувѣренность съ «любовью къ дальнему», которая своей отвлеченностью лишаетъ поведеніе Ивана всякой почвы и корней въ жизни.

Все это въ такой же мѣрѣ относится и къ политическому дѣйствію. Невѣрно, что для того, чтобы быть великимъ и плодотворнымъ, политическое дѣйствіе должно быть ограничено опредѣленной «точкой зрѣнія». Политика извращается тогда, когда существо ея понимается чисто отрицательно, какъ «унич

тоженіе врага», какъ простая борьба за власть или за расширение мощи, когда она понимается какъ область исключительнаго господства любоначалія. Какъ во всякой другой области духа, такъ и въ политикѣ есть своя внутренняя объективность, своя правда, которая, аналогично истинѣ философіи, пребываетъ въ постоянномъ напряженіи съ первоначальной ея онтологической укорененностью въ частичномъ бытіи. Также и въ политикѣ необходимо снова и снова умѣть преодолевать эту частичность, умѣть выходить изъ почвенной своей укоренности на просторъ объективнаго, т. е. преодолевать свое «мировозрѣніе». Когда послѣднее отвердѣваетъ въ чугуиную доктрину, то и политика изъ расширения мощи, стоящей на службѣ духа, вырождается въ своего рода организованное любоначаліе, въ то, что правильнѣе было бы назвать уже политизированіемъ, ибо политика въ данномъ случаѣ абсолютируется въ нѣкую самоцѣль, утрачивая сознание своихъ собственныхъ границъ.

Какъ это прекрасно показалъ Ф. Степунъ (см. его послѣднія статьи въ «Совр. Зап.»), и политикъ долженъ сознательно брать на себя вину, содержащуюся въ неизбѣжной односторонности принимаемыхъ имъ рѣшеній. Только благодаря этому сознанию вины, дѣйствіе его приобретаетъ характеръ объективности. Чужая точка зрѣнія должна не просто отвергаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ признаваться также въ своей проблематикѣ и тѣмъ самымъ включаться въ полноту собственного дѣйствія. Отягощенное сознаніемъ вины, политическое дѣйствіе переживаетъ тогда какъ трагическая необходимость, что не только не ослабляетъ его но, напротивъ, придаетъ ему полновѣдность и сообщаетъ ему какъ бы измѣреніе глубины, еще болѣе укореняя его въ личности дѣйствующаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очищая его отъ всего только субъективнаго, вознося его въ сферу объективности, именуемой здѣсь справедливостью. Это діалектическое отношеніе взаимнаго напряженія напротивъ разрушается, когда мировоззрѣніе, не очищенное сознаніемъ вины и имъ не преодоленное, затвердѣваетъ въ «точку зрѣнія» или въ «идеологию». Въ практической области функція идеологіи заключается какъ разъ въ томъ, чтобы снять съ дѣйствующаго тяжесть сознанія вины за грѣхи другого и оправдать дѣйствіе въ его односторонности. Лишенное своего нравственнаго груза, дѣйствіе легко всплываетъ на поверхность, но и лишается тогда своей внутренней силы. Этотъ недостатокъ нравственной силы идеологія дытается возмѣстить квази-теоретическимъ доказательствомъ. Она хочетъ заставить умолкнуть сознание

вины тѣмъ, что устраняетъ всяческія сомнѣнія, забывая, что сознаніе вины не есть то же самое, что теоретическое сомнѣніе, и что оно такъ же очищаетъ и закаляетъ дѣйствіе, какъ теоретическое сомнѣніе очищаетъ и проклинаетъ знаніе. Но идеологія подражаетъ теоретической увѣренности, ибо для нея важна не нравственность и справедливость дѣйствія, но его внѣшній успѣхъ. Въ идеологіи міровоззрѣніе хочетъ стать такимъ же внѣшнимъ орудіемъ господства надъ людьми, какимъ естественныя науки являются для господства человѣка надъ природой. Но тѣмъ самымъ міровоззрѣніе предаетъ себя самого, ибо господство надъ природой достигается наукой какъ разъ въ той самой мѣрѣ, въ какой наукѣ удалось оторваться отъ изначальной. Идеологія напротивъ хочетъ добиться господства безъ объективности. Поэтому она съ такимъ злорадствомъ разоблачаетъ своихъ противниковъ, въ томъ числѣ и философію, какъ простая «міровоззрѣнія», и вмѣстѣ съ тѣмъ сама прикрывается мантией науки, чтобы усилить свою собственную позицію. Любоначалье, воля къ власти есть коренной мотивъ, опредѣляющій все ея поведеніе. Гордыня (*hybris*) есть подлинное ея онтологическое основаніе, и идеократія есть ея затаенная цѣль. Идеократія есть послѣднее слово міровоззрѣнія, отказывающагося отъ долга своего самопреодоленія. «Живая жизнь» (Ф. Достоевскій) должна безусловно подчиниться идеѣ, но не отвергнута идеѣ, идеѣ «чугунной», умышленно отказавшейся отъ полноты всеединства и желающей утвердиться не посредствомъ любви (любви къ мудрости или любви къ ближнему), а посредствомъ внѣшняго принужденія. Живой идеѣ чуждо, напротивъ, всякое любоначалье, и если она все же приходитъ къ господству, то это господство ея есть плодъ ея внутренней силы, плодъ теоретической или нравственной полноты, а не голой воли къ власти.

Любоначалье есть такимъ образомъ та искомая нами грань, которой идеологія отличается отъ міровоззрѣнія. Опасно не міровоззрѣніе, а абсолютированіе того только человѣческаго, которое составляетъ экзистенціальную основу міровоззрѣнія, и отрывъ отъ Абсолютнаго, къ которому, какъ къ полнотѣ и всеединству своего собственнаго бытія, устремляется въ міровоззрѣніи всякая частная духовная жизнь. Абсолютированіе человѣческаго есть послѣдняя основа и той нетерпимости, которая характерна для всякой идеологіи, пренебрегающей живой человѣческой личностью ради торжества отвлеченной идеи. Наоборотъ, только осознаніе человѣкомъ его собственныхъ границъ и, значитъ, смиреніе передъ Абсолютнымъ можетъ стать основой новаго подлиннаго гуманизма, какъ умонастрое-

нія любви, и притомъ не любви къ дальнему, слишкомъ часто оборачивающейся брезгливостью и ненавистью къ ближнему, а любви къ конкретному, къ живому, къ индивидуальному. Простая «нейтральность» менѣе всего можетъ быть сейчасъ основой такого гуманизма. Она уже потому безсилна противостоятъ идеологіи, что исторически представляетъ собою продуктъ такой же воинствующей идеологіи, а именно идеологіи науки, не сознававшей своихъ собственныхъ границъ, идеологіи абсолютировавшаго себя человѣческаго разума, возомнившаго о себѣ, что онъ можетъ быть достаточной основой духовной и соціальной жизни человѣка. Исчерпавшая себя самое и разувѣрившаяся въ своихъ собственныхъ притязаніяхъ, нейтральность выродилась сейчасъ въ душевное безразличіе, въ практику «малыхъ дѣлъ» и «короткихъ истинъ», въ усталость духа, всегда готовую замѣнить истину, въ которую она уже не вѣритъ, простымъ соглашеніемъ. Она уже не противникъ сейчасъ идеократіи, а ея пособникъ. Борьба съ идеократіей предполагаетъ сейчасъ преодоленіе нейтральности. И въ этомъ оправданіе тѣхъ, кто ищетъ сейчасъ мировоззрѣнія, — не какъ новой догмы, а какъ живой вѣры, не для того, чтобы на немъ остановиться, а для того, чтобы его преодолѣть, т. е. слѣдатель его источникомъ духовнаго, въ частности и государственно-правового творчества.

С. І. Гессель.